

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 8 (№), 2024

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Проза

Рождественские звезды

ИЮДИН Даниил

ПетрГУ (Петрозаводск),
ilvovaster@gmail.com

***

Корабль трещал. Судно было старым. Каждая волна, ударяющая об его корму, вызывала долгий скрежет. Я подумал, что в этом нет ничего удивительного, так как корабль, по словам капитана, был не моложе меня и доживал свои последние годы. Нет, я не смогу уснуть сейчас, как бы ни старался. Почему я не могу уснуть? Треск корабля, холод или храп матросов не может быть причиной. Долгое время я жил в монастыре и всегда мог спать, даже под храп моих братьев, но уже должно быть больше трёх часов я пытаюсь уснуть. Могло ли это быть из-за приближающегося рождественского сочельника? Совсем впав в отчаяние, я встал и решил выйти на палубу корабля в надежде, что взгляд на небо меня успокоит.

Каждая доска под моими ногами стремилась издать скрежет. Аккуратно и медленно поднявшись, чтобы не беспокоить сон других, я выбрался наружу и осмотрел корабль, если это вообще можно назвать осмотром. Даже фонари все погасли давно, меня встретила крошечная темнота. Облокотившись на фальшборт, я начал осматривать единственные две мачты корабля. Небо было чистым, туч не было. Все звёзды сверкали сегодня невероятно ярко, но одна из них казалась мне настолько яркой, что стала слепить. Только тогда я заметил, что на палубе сидел, облокотившись на одну из мачт, матрос. Он смотрел пустым взглядом куда-то внутрь корабля, скорее сквозь корабль. В руках у него был крест, который уже почти упал на доски.

– Сын мой, тебе не спится?

Он посмотрел на меня, словно до этого и не заметил моего появления.

– Что-то вроде того, святой отец.

Взгляд, который я встретил, не изменился от моего присутствия. Наши взгляды должны были пересечься, но его прошёл сквозь меня. Меня стали посещать сомнения, осознал ли он вообще, что я появился. Я сел недалеко от него, но он продолжил смотреть отстраненно. Мы просидели так несколько минут, прежде чем я начал снова говорить:

– Тебя что-то беспокоит, сын мой?

Он не ответил. Корабль, который совсем недавно кряхтел и трещал, теперь показался наполненным звенящей тишиной. Даже это сравнение стало казаться мне нереальным, так как я не услышал и этого “звона” тишины. Я почти слышал биение своего сердца. Начинало казаться, что в мире вообще нет звуков, ещё чуть-чуть и тишина окажется столь абсолютной, что я услышу звуки далеких от нас звёзд. Казалось, прошла вечность, столь же сильная, как эта тишина, прежде чем я услышал его слабую речь.

– Я... Я уже не знаю... Отец, я могу попросить Вас о чём-то?

– Конечно, сын мой.

– Расскажите что-нибудь. Не книгу или проповедь, я бы хотел, чтобы вы поделились своим опытом из жизни. Что угодно.

Взглянув вверх, я невольно начал рассказ. Я его не выбирал, я даже не раздумывал. Казалось, что рассказ начал не я и не меня попросили его рассказать, хотя он был про мою жизнь почти полвека назад.

Я тогда был совсем молод. Служил в небольшой прибрежной деревне рядом с Эдинбургом. Деревня была небольшая, я постоянно сбегал в Эдинбург ради праздного образа жизни. Самым любимым в моей жизни было вино, а больше всего я ненавидел греческое имя, данное мне от какого-то святого – Илиодор.

Правильно произнести его могли только братья по вере и это раздражало в имени меня больше всего. Я и сейчас могу вспомнить день, когда прекратил воздерживаться от вина и впервые его испил. Удивительно, как до этого я мог легко побеждать в дискуссиях и теологических разговорах, но не прошло и года, как я потерял всякую веру и перестал быть способен на любой внятный разговор. Я думал, что раз церковь так убеждена в конце света с началом тысячелетия, то и смысла отказывать себе в чём-то нет смысла.

Я тогда решился отпраздновать канун сочельника, напился вина до полного беспамьяства и уснул прямо в снегу где-то на берегу. Открывшаяся мне картина была так ужасна, что я решил, что пришествие сына Господня уже случилось, а я нахожусь не в прежнем, а ином мире. От ближайших к берегу домов остались только чёрные угли, а чем дальше в деревню я шёл, тем больше снег становился красным. Церковь, где я служил, тоже была сгоревшей, а все ценные вещи из неё лежали между домами и церквушкой. Я видел, как из домов выходили люди в кольчуге и каролингскими мечами. По речи я осознал, что это были грабители Датчане, которые уже в те годы даже без приказа Датского короля совершали набеги на такие прибрежные деревни. Скорее всего, именно церковь и приманила их, так как они считают ее легкой целью для грабежа. Мой испуганный вид вызвал у них лишь смех. Когда они подошли и начали меня избивать, я даже не смог сдвинуться места. После этого я потерял сознание и очнулся лишь под вечер.

Мои руки были привязаны к веткам невысокого, но довольно твердого дуба. Я не мог пошевелиться. Рядом со мной был один Датчанин. Он был явно недоволен, смотрел на меня взглядом полным злости и что-то говорил на своём языке. По его лихорадке мне стало понятно, что он замерз оттого, что его поставили сторожить меня. Больше всего я был удивлён, что был жив, хотя и побит. Если они прибыли с берега, то не могли пройти мимо меня. Они дважды могли убить меня так же, как всех остальных в деревне, но почему-то оставили жить. Может они хотели поиздеваться надо мной или моей верой, что так сильно отличается от их религии. Это означало бы, что меня спасло одеяние священника, которое я тогда так сильно ненавидел.

Через какое-то время дверь дома рядом с деревом открылась. Я увидел внутри пьющих и празднующих Датчан. Они пили то же вино и ели ту же пищу, которые я ел до беспамьяства прошлой ночью. Из дома вышел один из Датчан, что выглядел старше других. Его борода не была длинной, но уже начала сесть. Гарда его меча в отличие от остальных была украшена элементами из золота, которое, скорее всего, они добывали во время грабежей церковей. Он сказал что-то моему сторожу и тот, повеселев, ушёл в дом. Датчанин с украшенным мечом перенес от дома бочку, перевернул, поставил её недалеко от дерева со мной и сел сверху на бочку.

Темнота опустилась, и скоро должен был начаться сочельник. В этот момент я впервые за пару лет увидел ночное небо ясным взглядом. Оказавшись связанным Датчанами, я оказался отрезан от вина, ко мне вернулось полная ясность сознания. Оно было столь же ясным, как небо, полное рождественских звёзд, которые отразились в моих глазах и поселились где-то внутри души, наполнили меня светом. Из меня вырвалось: «Храм Господень совершенный, не существует чего-то красивее, ведь создан из любви». После этого Датчанин развернулся ко мне и неожиданно для меня спросил:

– Что имеешь в виду?

Я был удивлён. Уже через пару секунд я ответил ему:

– Прости, я не думал, что кто-то из вас знает английский.

– Не знают. Я говорю, но плохо. Нужно для наших походов. Ты не сказал, что имеешь в виду? Ты сказал о красоте храма твоего Бога, но он сгорел.

– Взгляни вокруг. Это всё создал Он, Всеведущий и Всемогущий. Что можно еще назвать храмом, если не созданный им дом? Разве могут эти звёзды, столь красивые, что человеку неподвластны, как и вся небесная твердь, быть чем-то другим?

– Тогда причём тут любовь?

– Бог это и есть любовь. Из любви созданы и мы, и к той любви мы стремимся, хотя наша любовь и заражена грехом. И всё же эта любовь Бога есть во всём: в каждом дереве, каждом кусте, каждом доме, каждом человеке и в каждой звезде. Ещё день назад я думал, что утратил её, не имею права, «...не имею любви, – то я ничто».

Пока я это говорил, я, как и мой собеседник, всё так же смотрел на эти звёзды. Для меня было загадкой, понял ли он что-то из сказанного мной, что направляло его действия. Мы молча смотрели на небо, пока он не встал, доставая из ножен свой меч с золотой гардой. Я не чувствовал страха, как ранее при виде такого меча. В тот момент я понимал – столбы храма его рухнули. Подобно ним от взмаха меча разрушились и ветки дуба.

– Иди.

Я тогда встал и ушёл столь знакомой мне дорогой в Эдинбург, которая была освещена светом звёзд. Когда я оглянулся, Датчанин всё так же смотрел на них.

Закончив свой рассказ, я опустил взгляд на матроса. Он смотрел на звёзды, а в его глазах я видел свет. Тот же свет, что я обрёл в молодости вместе с Датчанином.